

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.18>

Дзуганова Рита Хабаловна

СЛОЖНЫЕ ИМЕНА С СУФФИКСОМ -ЛЪЭ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются характерные особенности сложных имен, содержащих суффикс -лъэ, в кабардино-черкесском языке. Анализируя фактический материал, автор доказывает отсутствие семантической близости глагольного корня -лты- и именной словообразовательной морфемы -лъэ. Исследуя структуру сложных моделей, содержащих суффикс -лъэ, автор утверждает этимологическое происхождение словообразовательного аффикса -лъэ от общеадыгской корневой морфемы -лъэ- со значением "место". В работе демонстрируются некоторые процессы превращения общеадыгской корневой морфемы -лъэ- в суффиксальную.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 80-83. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.352.5

Дата поступления рукописи: 12.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.18>

В статье рассматриваются характерные особенности сложных имен, содержащих суффикс -лъэ, в кабардино-черкесском языке. Анализируя фактический материал, автор доказывает отсутствие семантической близости глагольного корня -лы- и именной словообразовательной морфемы -лъэ. Исследуя структуру сложных моделей, содержащих суффикс -лъэ, автор утверждает этимологическое происхождение словообразовательного аффикса -лъэ от общеадыгской корневой морфемы -лъэ- со значением «место». В работе демонстрируются некоторые процессы превращения общеадыгской корневой морфемы -лъэ- в суффиксальную.

Ключевые слова и фразы: морфонологические признаки; сложные имена; суффиксальная морфема; субстантивация; адъективация; кабардино-черкесский язык.

Дзуганова Рита Хабаловна, д. филол. н.

Институт гуманитарных исследований –

филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

dzug.rita@yandex.ru

СЛОЖНЫЕ ИМЕНА С СУФФИКСОМ -ЛЪЭ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

«Одним из основных путей обогащения лексики является образование новых слов на собственной языковой базе» [1, с. 13]. Этот способ используется и в кабардино-черкесском литературном языке при образовании новых слов с помощью различных аффиксов. В кабардино-черкесском языке суффиксация более развита в сфере имени, чем в глаголе. По вопросу о происхождении суффиксальной морфемы -лъэ среди специалистов нет единого мнения, что делает исследуемую проблему особо актуальной. Из перечня суффиксов, представленных в именной системе, синхронному описанию мы подвергаем в данной статье одну словообразовательную морфему -лъэ, присоединение которой к производящей основе сопровождается морфонологическими изменениями. Научная новизна данной работы заключается в выявлении лексической направленности и этимологии исследуемой морфемы. При этом учитываются и семантические особенности производных моделей, содержащих указанный суффикс.

Словообразовательные модели с именным суффиксом -лъэ обладают высокой степенью продуктивности. Они дифференцируются, в первую очередь, по их семантической направленности, отмечаются и морфонологические особенности производных моделей с суффиксом -лъэ. Рассматриваемый суффикс сочетается с основами разных типов. Исходная огласовка корневой морфемы сохраняется лишь в том случае, когда -лъэ присоединяется к основе с огласовкой *ы*. Ср., например: *псы* «вода» и *псы-лъэ* «посуда для воды». *СтIолым бгъэдэсу сценэм ис лыр къэрэндацкIэ псылъэм тоулуэ, псори зэцIосабырэ* [20, с. 48]. / «Мужчина, сидевший на сцене за столом, постукал карандашом по посуде с водой – все притихли» (здесь и далее перевод автора статьи. – Р. Д.). В том случае, когда основа с нулевой огласовкой сочетается с суффиксом -лъэ, либо восстанавливается исходная огласовка, либо появляется гласный *ы*. Ср., например: *фошыгыуы-лъэ* «сахарница», *тхылгы-лъэ* «портфель». *НэгъуэцI хэмылгу зрегъэзых (Лалыхуэ), и тхылгылыгъэ гъэфэрыцIам зы мажъэ псыгъуэ кыдехри, и нэжъгъуэцI фыцIабзэхэр ирежъэкI, и набдзэ IувитIыр IэпкIэ егъэзахуэ, къэтIеяуэ цы цхъэхуэхэр кыхэпIишкI хуэдэу цыфIэцIкIэ* [2, с. 10]. / «Долго не думая, (Лалуха) достает из портфеля тонкую длинную расческу и поправляет себе челку, руками проводит по черным широким бровям». Присоединяясь к основам с огласовкой *э*, удлиняет огласовку *э>a*. Ср., например: *шакъэ* «чернила» и *шакъа-лъэ* «чернильница»; *шэ* «пуля» и *ша-лъэ* «колчан» и др.

В функциональном плане модели с суффиксом -лъэ более разнообразны. Большая часть словообразовательных моделей рассматриваемой группы передают значение места и вместилища чего-л., обозначенных основой. Ср.: *бгы* «гора» и *бгы-лъэ* «гористый (о рельефе)». *Кавказ мэхэр дэкIыпIэрэ ехыпIэрэцI зы къэмынэу – бгылыгъэ зацIэцI псори* [6, с. 10]. / «Леса на Кавказе с подъемами и спусками – вся местность гористая». Ср. также: *ахъшэ* «деньги» и *ахъшалъэ* «кошелек»; *шыгъу* «соль» и *шыгыуы-лъэ* «солонка»; *шэд* «болото» и *шэды-лъэ* «болотистое место»; *банэ* «колочка» и *бана-лъэ* «место, поросшее колочими растениями, терновником». Ср.: *Сэфар зэрыжиIэмкIэ, ахэр (литыр) Тэрч адрыцIыгъэм кыкI гъуэгужъыи кырикIуакъым – мзэ лъапэ къуацъчыцэ баналъэхэм кыхэхклацI* [Там же, с. 5]. / «Как говорит Сафар, они (мужчины) пришли не по той старой дороге, которая идет из Терека, а перебрались через лес, заросший колочими растениями».

Отглагольное имя *уба-лъэ* «ступа» (от *убын* «толочь что-л.») в функциональном плане не отличается от предыдущих моделей. Ср.: *Япэ цIыкIэ (Сэфар), Лалинэ зэрыцIыгъэм хуэдэу, шыгъу кланэ IэмыцIэ убалъэм ирикIутэри псыныцIэу зэхубацI, ар фалъэм ирикIутэри шубамрэ кыхуэнамерэ зэхуеплъыжацI* [Там же, с. 38]. / «Сначала он (Сафар) положил горсть соли кусками в ступу, как это обычно делала Лалина, быстро измельчил, высыпал в миску и сравнил с тем, что осталось». Ср. также: *(Бабот) Езыр пелуану лъэцти, убалъэ хуэдиз IыштIымыкIэ хьэлэр диукIэурэ пхьэр зэгуигъэзырт, зызэцIимыужъэу налыр цухуэрт, еплъым ягъэцIагъуэу* [14, с. 255]. / «(Бабот) Он был сам силачом, кулаком, подобным ступе, он вбивал кол в бревно, руками сгибал подкову и удивлял всех».

Продуктивны словообразовательные модели с суффиксом *-лэ*, выражающие место, где в изобилии имеет-ся то, что содержится в основе. Ср., например: *мэз* «лес» и *мэзы-лэ* «лесистая местность»; *мывэ* «камень» и *мыва-лэ* «каменистая местность». Ср.: *Гухэхуэат анхуэдэ бдэжьей зэхухуэна, бла зы Тымьши гуэрэм ихуэ плагэун кудейуэ... ара хуэнт эзыхэри цлэмызшыр, гэммахуэ дыгэм кыггэллэа мывалтэ псыхуэ хуабэ жьэражьэри кьацлэмыхэлтэклыр* [6, с. 78]. / «Огромную радость доставляла детям ловля рыбы, может, потому им не тяжело было бегать в такую жару по каменной балке».

Большое количество производных имен с суффиксом *-лэ* функционируют в языке как самостоятельные лексические единицы, закрепленные за названиями определенных предметов. Ср., например: *псалтэ-лэ* «словарь». *Клыцокгуэ Алим и бзэм и псалтэ-лэ дунейм кьытехэмэ, абы налуэ кьыцлынууэ адыгэбзэм нобэ илэ цытыклымрэ и зэфлэклымрэ* [3, с. 165]. / «Когда выйдет Словарь языка Алима Кешокова, станут известны возможности и состояние (кабардинского) языка на сегодняшний день». Ср. также: *Иэн-лэ* «деревянное корыто (в основном для теста)». *Иэнлэм илыр хэм хуэмышхауэ цылыагум, Джэлил зримылтэфыхуэ кьельтэхуэ жыгми, ежаллэц Иэнлэми, хэ тумэу зи дзэлыфэ кьыхуэзытлар ирихуэац* [8, с. 478]. / «Как только петух (Джалл) увидел, что собака не доела то, что было в миске, слетел с дерева и подбежал к миске». Ср. также: *бжэгуэ-лэ* «заостренный конец кола, вбиваемый в землю». *Тытлу бжэгуэ-лэ ищлу Марус и тылантлэм дэтт... абыхэм ар гугуэ дехьыцэртэкьым: кьыцтэрти джыдэ жаньмклэ гуанэхэр плэнкыу триггэллэырт, итланэ пхэ кьутанлэм триггэуэрти... пхэ кланэр здэша лэныкьуэмклэ кьыцеуэрт аби, цимэ хужэ дахэу бжэгуэ-лэ кьыцлхулыкьырт, цыхэнтлэклэ мьжурэм ецхуэ ехрэ сатырым кьыхэмплэнкыкыу хуэуэ* [15, с. 236]. / «Титу стоял во дворе у Маруси и делал заготовки для плетня: срубал острым топором сучки с кола, ставил на чурбан (на котором колот дрова) и заострял конец кола в виде пики так, чтобы можно было легко вогнать в землю». Ср. также: *Бжэгуэ-лэ... кьэрэндацыр пацлэ цыцлэ, зэраупсым хуэдэу яцлыркьым, цимэ цыкылуэ, нэх лейуэ пауцыкыкы зыгуэру* [20, с. 86]... / «Колы для плетня заготавливают не так, как карандаши точат, а по-другому, как-то в виде треугольника оттачивают...».

В словообразовательных моделях *Иэ-лэ* «варежки» и *Иэнхуа-лэ* «наперсток» суффикс *-лэ* выступает с сохранением семантики «вместилище чего-л.», однако эти морфемы проявляют некоторые морфонологические особенности. Например, в первой модели огласовка *э* сохраняется при сочетании с суффиксом *-лэ*. Ср. на материале: *Дыгуасэ пытар (мэраклуэр) кьабзэу пытихыкыла цхэклэ, ныжэбэ пыз кьэхуэжат, флыцлэр Иэнхуалтэ хуэдиз хухуэ* [13, с. 192]. / «Если мы вчера съели даже все ягоды на тутовнике, утром снова появлялось ровно столько же, черных, величиной с наперсток».

Во второй модели опускается сочетание *-мбэ*. Ср.: *Иэнхуа-мбэ* «палец» и *Иэнхуа-лэ* «наперсток» [7, с. 189]. Ср.: *Гуацэм и нэцхыр зэхуэащи, и нэ флыцлэтым мьарэзыныгэ кьагуатэ... пьрыпл гэтыцам ецхэ и Иэнхуамбэ клэцлэ цыкылуэр мэлэжьэажьэ, зыгуэрым зэртыгэуэзыхьым и нэцэнэу* [5, с. 92]... / «Княгиня чем-то сильно расстроена, в ее черных очках видно недовольство... тербит свои короткие пальчики, похожие на физалис, видно, что она волнуется по какому-то поводу...».

Некоторые модели с суффиксом *-лэ*, обозначающие части тела, указывают также на «место чего-л.». Ср.: *иха-лэ* в значении «желудок» (букв. «место пищи»); *иху(ы)-лэ* «ключица» и др. Например: *Лалинэ кьунцхэ кьута, зэрыкыла-зэрыуахэм флыуэ цыггуазэти, фэ цлагьымкыкы кьунцхэпэ гуэрхэр цызэпигуэуэжэц, Иэ сэмэгумкыкы бьдэу цубыди, Иэдакэ ижымыкыкы жьэхуээжэри ириггэпкыкыжащ и ихулыр, цлалэри дзасэм флалу кьаубыд кхуэ шырым хуэдэу, макэ лейкыкы кьыхэтыцлэукац* [6, с. 38]. / «Лалина хорошо разбиралась в делах костоправов, она нащупала под кожей кончики костей, левой рукой крепко придерживая одну часть, правой ладонью сильно толкнула другой конец и вправила ключицу: парень издал визг, похожий на поросенка, которого поймали, чтобы заколоть».

Сложная модель *жьэ-пхэ* «то, что нужно жарить», где *жьэ(н)* «жарить», *-пхэ* глагольный суффикс в значении «нужно» сочетается с суффиксом *-лэ*, образуя сложное имя с семантикой места: *жьэпхэ-лэ* «сковорода особой формы, с дужкой для подвешивания над очагом».

Отглагольное образование *пца-лэ* «мерка» (от *кьэ-пцын* «измерить») сохраняет значение вместилища чего-л. Ср.: *Дунейм ехыжам и фацэхэр тахтэбаным илт, кьэдабэ цхэнтэм телуэ, Иэцэхэр – адыгэ фочыр, фоклэцлэ дэдэхур, джатэ бгуфлэр, гынжэей пцалтэр зыкырыцла гынылтэр пхэнжу флэдзауэ (зейр зэрыцымылэжым и нагыцэу) алэрыбгум флэлт* [17, с. 186]. / «На тахте, на бархатной подушке, лежали боевые доспехи покойного – мерка для порохового запала, а пороховницу повесили наоборот – это означало, что его хозяин мертв». Здесь важно отметить морфонологические изменения, которые происходят в корневой морфеме *пца-лэ* «мерка» (от *кьэ-пцын* «измерить»), т.е. огласовка корневой морфемы *и* изменилась на *а*. Другими словами, вместо ожидаемого *ы* перед суффиксом *-лэ* появился вокализм *-а*.

Словообразовательная модель *гу-лэ* «воз, поклажа» по своей семантике сближается с моделью *пца-лэ* «мерка». Ср., например: *(Хуэпиц) кьытхуохэлэл жаЛэрти, пунт зытелыым пунтрэ ныкьуэрэ кьритыжьырт, гулэ зытелыым кьэп кьыхутрилхэрт – бжыхэм мэкьумэшыцлэр делэрэ хэлэлрэ пхуэзэхэмыгьэжкыу жу-март мэхуэ* [16, с. 286]. / «Осенью крестьяне становились настолько щедрыми, что тот, кто ему (Хуэпицу) должен пуд кукурузы, отдавал ему полтора пуда, а кто должен целый воз, сверху добавлял еще один мешок».

Небольшой сдвиг в семантике демонстрирует модель *нэху(ы)-лэ* «предрассветная пора», где *-лэ* передает временную характеристику. Ср., например: *Нэхултэ кьызэрицлу дькьовылэ, зыдопльыхэ, хэцлэлэ хуэн кьэтылагун ди гугуэуэ* [9, с. 400]. / «Как только начало светать, мы остановились и стали присматриваться, где можно устроить привал на некоторое время». Ср. также: *Адэм и гунсысэхэр иджы куэдэ пэжыжьэст*

нэхулъэ кыщцIмэ ивэну цIы тIэкIум [4, с. 9]. / «Сейчас мысли отца (Талустана) были далеки от той действительности, которая ему предстояла на рассвете».

В модели *хьэндьркыуа-лъэ* «пастушья сумка обыкновенная (растение)» суффикс *-лъэ* можно выделить лишь этимологически.

Х. Ш. Урусов в монографии «Морфемика адыгских языков», принимая точку зрения Н. Ф. Яковлева, высказывает положение о глагольном происхождении исследуемой нами морфемы *-лъэ*. Н. Ф. Яковлев рассматривает *-лъэ* как глагольный корень (от *-лбы-* «лежать») [23, с. 250]. Кроме того, Х. Ш. Урусов обращает внимание на огласовку корня: «Процесс превращения корня в суффикс сопровождался изменением фонетического облика его: краткое гласное *ы* заменилось гласным *э*» [19, с. 236].

Подобной точки зрения придерживается и А. К. Шагилов. «Словообразовательный именной суффикс *-лъэ*, – пишет он, – восходит к несамостоятельной глагольной основе *-лъ-* (*илъын* “лежать”)). Здесь же он приводит примеры сложных имен, производных от существительных: *шыгъуы-лъэ* «солонка», *сабыны-лъэ* «мыльница», *дагъальэ* «масленка» [21, с. 88].

М. А. Кумахов считает неправомерным возводить *-лъэ* к корню глагола *цы-лбы-н* «лежать». Он находит семантическую близость *лъэ* в значении «место» и выводит на общеадыгский уровень языкового развития. «Сами же производные слова с *-лъэ* восходят к моделям “имя + имя”, “глагол + имя”, – пишет он. – Общеадыгское *-лъэ* не утрачивает семантической связи с общеадыгской основой *лъэ* “место”. Ср., например: *псэуальэ* “хозяйственные постройки” < “место живого”, *псылъэ* “водянистый” < “место воды” [11, с. 124; 12, с. 64]. Ср., например: *Щэрданхэ я уни, я псэуальэ сыти мафIэм иса нэтми, цIантIэм цIыхухэр дэмыкIыжы бжэгуыкIэ мафIэ сахуэр зэлацIэурэ хэт шыуан кыыхырт, хэти алэрыбгъу кланэ кыгуэтырт, пхъуантэ иным дэлыри сытри исауэ кыыхэзыхи цыIэт* [10, с. 288]. / «Хотя и дом, и хозяйственные постройки Шардановых сгорели на пожаре, люди не расходились, а все еще вытаскивали из золы кое-какие предметы обихода». Ср. также: *Абы (Аслъэнбэч) цIанIэшхуи илэкъым, и псэуальэ псори зэрыхуэр зыщIэс нэи цIыкуитIымырэ и шыр зыщIэт боужьымрэцI* [5, с. 48]. / «У него (Асланбека) нет большого имения, все постройки, какие имеются, – это лишь две комнаты, в которых они живут, и конюшня».

В этой связи важно отметить, что синонимичные сложные модели с суффиксом *-лъэ* употребляются в адыгейском языке *псы-уа-лъэ*, *хы-уа-лъэ* в значении «волна», тогда как в кабардино-черкесском языке уже нет этих моделей. Ср., например: *Псыуальэхэр нэкъычIэм кыыригъэзылIэцIтыгъэх* [18, с. 230]. / «Волны прибавались к берегу (к низу берега)».

Таким образом, словообразовательные модели, содержащие суффикс *-лъэ*, могут производиться от существительных, прилагательных и глагольных основ. Ср., как от существительных образуются прилагательные: *бгы-лъэ* «гористый» (от *бгы* «гора»), *шэды-лъэ* «болотистое место» (от *шэд* «болото»).

Субстантивация адективных моделей при помощи исследуемой морфемы имеет широкое распространение в кабардино-черкесском языке. Ср.: *гъуца-лъэ* «емкость для хранения сухих сыпучих продуктов» (от *гъуцэ* «сухой»), *бэвы-лъэ* «плодородная местность» (от *бэв* «богатый, обильный»). *ГъуцI пхэIэцIэ хэкум кызышар арат, ауэ сытми къаульэпхъэцу цыта цIы пиэр бэвылэр иджы вагъэ фIыцIэ зэфэзэцI дахуэ ирагъэтIылыкIыф* [6, с. 83]. / «Это был он, кто первым завез в эти края железный плуг, теперь эту плодородную, богатую местность стали обрабатывать как подсобает».

Отглагольные имена, строящиеся при помощи суффикса *-лъэ*, также продуктивны. Ср.: *цIэнэкIа-лъэ* «объект насмешек» (от *цIэнэкIэн* «осмеять, высмеять кого-л.»). Ср.: *Ари IуэхутхъэбзацIэ сагъэкIуакъэ – жэрыгъэ зацIэт, Iуэху сагъацIэркъэ – жыы сцIэтын хуейт, армыхуэ «хъэпIацIэкIэ кыпх нэхъей, упэцIэцэхмэ, ужъяжъэмэ, укыдонэж, цIыхум цIэнэкIалъэ уацI», – жалэрти тепыIэгъуэ кызыатыртэкъым* [22, с. 23]. / «Если посылали куда-то за какими-то поручениями – то бегом, если работа по дому, то быстро, с огоньком, иначе мне говорили, если будешь медлительной и ленивой, то останешься в старых девах, будешь предметом насмешек». Ср. также: *джэгуа-лъэ* «предмет насмешек» (от *джэгун* «играть») или (букв.) «предмет для игры». Ср., например: *«Ыхъы-ы, – кыщIацI Борькэ, – мыр джэгуальэ хьэлэмэтиц, – мыбы, гъуджэ цIыкIум хуэдэу, уриджэгу хъунуц, нэху требгъадзурэ»* [7, с. 560]. / «А-га, – теперь понял Борька, – это интересная игрушка (это было кольцо с огромным бриллиантом), ею можно играть как с маленьким зеркальцем, ловить солнечных зайчиков».

Итак, исследуя структуру сложных моделей, содержащих суффикс *-лъэ*, можно доказать этимологическое происхождение именного словообразовательного суффикса *-лъэ* от общеадыгской корневой морфемы *-лъэ-* с пространственным значением «место» (от *псэуальэ* «хозяйственные постройки» < «место живого»), а подробный анализ материала демонстрирует его переход в суффиксальную морфему.

Таким образом, на основе анализа фактического материала с учетом морфонологических и семантических особенностей производных именных основ, содержащих исследуемый суффикс, можно утверждать отсутствие семантической близости глагольного корня *-лбы-* (от *цылбын* «лежать») и именной суффиксальной морфемы *-лъэ*. Как видно из приведенного материала, словообразовательные модели с суффиксом *-лъэ* большей частью характеризуются семантикой «место» или «вместилище чего-л.». Поскольку процесс образования сложных слов в языке является постоянным, в сложных именах с исследуемым суффиксом наблюдаются некоторые семантические сдвиги. Так, если в образованиях *псы-лъэ* «посуда для воды», *гъуэмыла-лъэ* «торба для пищи, взятой в дорогу» исходное значение сохраняется, этого нельзя сказать о моделях *бжэгу-лъэ* «заостренный конец кола, вбиваемый в землю» или *шху(ы)-лъэ* «ключица». Последние приобрели статус самостоятельных лексических единиц как названия определенных предметов.

Список источников

1. Абазова М. М. Развитие речи черкесской диаспоры в Турции на собственной языковой базе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42). Ч. 1. С. 13-16.
2. Абитов В. К. Кокуж. Черкесск: Лъахэ, 2012. 192 с.
3. Бижоев Б. Ч. Словарь языка Алима Кешокова // Ошхамахо (Эльбрус). 2014. № 4. С. 157-165.
4. Дугужев К. Б. Зимняя радуга. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 2011. 176 с.
5. Каширгов Х. Х. Ореол. Нальчик: Эльбрус, 1976. 378 с.
6. Керефов М. Ж. Рассказы старика. Повести. Нальчик: Эльбрус, 1989. 237 с.
7. Керефов М. Ж. След. Нальчик: Эльбрус, 2009. 572 с.
8. Кешоков А. П. Бабышыкъуэ адакъэпщ: в 6-ти т. Нальчик: Эльбрус, 2006. Т. 5. 551 с.
9. Кешоков А. П. Дорогой гость: в 6-ти т. Нальчик: Эльбрус, 2006. Т. 5. 551 с.
10. Кешоков А. П. Чудесное мгновение: в 6-ти т. Нальчик: Эльбрус, 2005. Т. 2. 488 с.
11. Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 272 с.
12. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 383 с.
13. Налоев З. М. Одинокий журавль. Нальчик: Эльбрус, 1981. 398 с.
14. Налоев З. М. Сладость горького. Нальчик: Эльбрус, 2012. 368 с.
15. Налоев З. М. Солнечный жеребенок Титу. Нальчик: Эльбрус, 1981. 398 с.
16. Налоев З. М. Черные глаза Афины. Нальчик: Эльбрус, 1981. 398 с.
17. Теунов Х. И. Род Шогемоковых. Нальчик: Эльбрус, 1980. 568 с.
18. Тлюстен Ю. Ожбаноквы. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1962. 380 с.
19. Урусов Х. Ш. Морфемика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1980. 402 с.
20. Хахов С. Г. Тропинка ведет к дороге. Нальчик: Эльбрус, 2013. 618 с.
21. Шагиров А. К. Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 220 с.
22. Эльгаров К. Язык любви. Нальчик: Эльбрус, 1999. 424 с.
23. Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 372 с.

COMPOUND NAMES WITH THE SUFFIX *-лъэ* IN THE KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE

Dzukanova Rita Habalovna, Doctor in Philology

*Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
dzug.rita@yandex.ru*

The article examines the typical features of compound names with the suffix *-лъэ* in the Kabardian-Circassian language. Analyzing factual material the author proves the lack of semantic affinity between the verbal root *-лъы-* and the nominal word-formative morpheme *-лъэ*. After examining the structure of complicated models containing the suffix *-лъэ* the author postulates the etymological origin of the word-formative affix *-лъэ* from the all-Adyghe root morpheme *-лъэ-* with the meaning “place”. The paper focuses on the processes of transforming the all-Adyghe root morpheme *-лъэ-* into a suffixal one.

Key words and phrases: morphological features; compound names; suffixal morpheme; substantivization; adjectivization; Kabardian-Circassian language.

УДК 81'373.46=111=161.1=161.2:579.64

Дата поступления рукописи: 04.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.19>

Данная статья отражает результаты исследования терминологических словосочетаний в подъязыке сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках. Автор показывает, что синтаксический способ образования терминов данного подъязыка является достаточно продуктивным как для английского, так и для украинского и русского языков. В работе проанализированы структурные, семантические и функциональные особенности терминологических словосочетаний в отмеченных языках. Установлено, что двухсоставные сочетания преобладают над сложными, состоящими из трёх, четырёх и более компонентов.

Ключевые слова и фразы: компонент; модель; номинация; подъязык; семантика; структура; терминологическое словосочетание.

Кислухина Марина Викторовна, к. филол. н.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
29kmv@mail.ru*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ПОДЪЯЗЫКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПОЧВЕННОЙ МИКРОБИОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ, УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Постановка проблемы. При выделении терминологических словосочетаний в языковой практике более всего пользуются понятийными критериями, достоверность которых определяется степенью знакомства